

Дж. Хайнцен

Коррупция и кампании против взяточничества в период военного и послевоенного сталинизма, 1943–1953 гг.

Несмотря на огромный интерес к коррупции и «черному рынку», ученые уделяют мало внимания периоду широкой социальной экспансии 1940-х и 1950-х гг.¹ Этот период был переломным моментом для коррупции советской эпохи, когда были широко распространены должностные преступления, и предприняты крайне непоследовательные усилия по их искоренению.

Это — одно из первых всесторонних исследований, основывающихся на архивных источниках коррупции среди чиновников в Советском Союзе во время Второй мировой войны и периода позднего сталинизма; в этом исследовании проанализировано несколько важнейших факторов эволюции советского государства и динамичного и развивающегося советского общества в послевоенные годы.

В настоящем исследовании под чиновничьей коррупцией понимается предложение и требование взятка. Взятничество, обычно определяемое законом как подношение в виде наличных денег или способ влияния на должностные лица ради извлечения выгоды дающим, представляет собой хрестоматийную разновидность коррупции. В настоящем исследовании взяточничество рассматривается как неотъемлемая часть неофициальной, но важнейшей цепи взаимоотношений, на которую полагалась большая часть советского общества и государственной администрации. Таким образом, даже обладая своими характерными чертами, случай Советского Союза напоминает и о других, имевших место в правительственных кругах и обществе во всем мире.

Настоящая работа отражает основные тенденции и результаты нашего исследования, которое обещает стать значительным вкладом в литературу о природе сталинского государства, социальных и политических последствиях сталинизма и характере повседневной жизни в СССР. Тщательное изучение взяточничества, которое вовле-

Джеймс Хайнцен,
Ph. D. истории,
университет Роуэна,
Глассборо,
Нью-Джерси (США).
heinzen@rowan.edu

кало людей из всех социальных слоев общества, обнаруживает сложное взаимодействие государства, общества и преступности в СССР.

И все же, значение этого исследования выходит за границы истории Советского Союза. Оно проливает свет на дисфункции диктатуры и рамки авторитарных государств. Являясь ситуационным исследованием взяточничества и коррупции, настоящая работа демонстрирует и объясняет трудно изучаемые неофициальные взаимоотношения в закрытых обществах, в которых отсутствует открытое политическое соперничество, свобода прессы и независимое судопроизводство. Более того, оно показывает, почему и как коррупция одновременно является и поддерживающей, и блокирующей. Это исследование утверждает, что в краткосрочной перспективе коррупция в СССР служила источником стабильности, включая в себя серию неформальных отношений, способствующих распределению между потребителями дефицитных товаров и услуг через колоссальную «теневую экономику». Однако коррупция в долгосрочной перспективе являлась дестабилизирующим фактором, поскольку широко распространенный подкуп создавал почву для возникновения массового цинизма, подрывая веру в идеологические основы партии, и при этом усиливая дефицит.

Важность исследования далеко выходит за рамки советской истории, или даже авторитарных режимов. «Продажные» отношения между чиновником и гражданином, безусловно, пережили все формы социэкономического и политического строя, будь то социалистический, капиталистический, авторитарный или демократический. Взяточничество — это тема, которая все больше интересует ученых различных регионов, а также является предметом исследования ряда дисциплин². Социологи уже исследуют природу иерархически организованных отношений между чиновниками в правительстве и экономическими структурами. В данном проекте взяточничество рассматривается как составляющая не официальной, но необходимой системы, на которую, подобно многочисленным правительствам и обществам во всем мире, полагался советский режим и, несомненно, большая часть советского общества. Вслед за работами С. Роуз-Акерман и др., в настоящем исследовании под коррупцией мы понимаем устойчивое явление, которое затрагивает многие нации в «период растущих государств и бюрократий»³. Однако некоторые фундаментальные характеристики советской системы — национализированная собственность и инфраструктура, строго централизованное планирование, хронический дефицит и всепроникающее присутствие правительства во всех областях социальной и экономической жизни — безусловно, предоставляли бюрократам, как и обыкновенному гражданину, разнообразные возможности обогащения за счет государства⁴.

Это исследование выходит за рамки вопроса о надлежащем или ненадлежащем порядке в управлении государством, изучения понятия того, что было названо К. Келли «корыстным дарением», как укоренившейся составляющей жизни общества⁵. В новом исследовании, касающемся антропологических и социологических вопросов, проанализировано восприятие преподнесения подарков чиновникам⁶. Наряду с этим, данное исследование тщательно изучает

обычное для многих обществ неослабевающее напряжение между официальной идеологией, народным отношением, законом и общепринятой практикой. Взяточничество рассматривается как средство изучения того, как отдельные лица использовали «неофициальные отношения», чтобы избежать деспотизма советского государства. Используя социоисторический и культурный подход ко взяточничеству в эти годы, исследование способствует пониманию преступности и повседневности в послевоенном СССР.

То, что составляет официальную «коррупцию», безусловно, характерно для заданного времени, места, культуры и политической обстановки⁷. В качестве отправной точки для данного исследования взято классическое определение: использование служебного положения в целях самообогащения и получения прочей материальной выгоды⁸. И все-таки, даже это, как будто бы исчерпывающее и относительно специальное определение коррупции, содержит существенную двусмысленность.

Партийное государство Сталина было крайне репрессивной диктатурой, которое, как и многие режимы, тем не менее, испытывало огромные трудности в поддержании дисциплины среди чиновников, зачастую торговавших с гражданами за свои услуги. После войны советский режим изо всех сил старался понять причины неожиданного роста коррумпированных действий и изменить бюрократические традиции. Однако, в то же время, режимом преднамеренно создавались условия для процветания коррупции.

По ряду причин историки данного периода не придавали значения этой важной теме. В 1957 г. в своей новаторской трактовке советского управления промышленностью Дж. Берлинер заметил, что неофициальные, и зачастую незаконные отношения были распространены в среде советского промышленного руководства, безнадежно пытавшегося выполнить нереальный план. Именно Берлинер показал, что действия, рассматриваемые сотрудниками правоохранительных органов как «экономическое преступление», часто были попытками этого доведенного до отчаяния руководства выполнить безрассудный план среди типичного для советской экономики хаоса (с другой стороны, в центре этой книги — поступки чиновников, использующих свое положение ради личной выгоды)⁹. Однако после Берлинера ученые уделяли мало внимания вопросам коррупции и государственным антикоррупционным мерам в первые два десятилетия после Второй мировой войны. Безусловно, ограниченный доступ к советским архивам и контролируемой правительством сталинской прессе значительно препятствовал изучению преступности в целом, и преступлений чиновников в частности. С помощью новых источников настоящее исследование вносит свой вклад в понимание коррупции в советский период.

Попытки власти понять причины взяточничества, а затем искоренить его с помощью антикоррупционных кампаний, составляют одну из основных тем проекта. Как и многие государства, советские власти изо всех сил старались выяснить причины коррумпированного поведения, определяя дарение чиновникам как аморальное и противозаконное действие. Несмотря

на угрозу сурового наказания, государственные служащие продолжали обильно обогащаться за счет общества. В то же время, данное исследование показывает, что власти с тревогой реагировали на свидетельства того, что взяточничество, как и многие болезни общества, включая алкоголизм, бытовое насилие и проституцию, распространилось во время и после Второй мировой войны, невзирая на волны антикоррупционных кампаний.

Коррупционным проявлениям способствовали структурные факторы, характерные для многих обществ: низкие для бюрократического аппарата зарплаты, слабый центральный контроль местной администрации, строго иерархическая экономика и система власти, повсеместный дефицит и бедность, а также отсутствие оппозиционных партий или независимой прессы для разоблачения подкупа. В условиях дефицита и нестабильности эти характерные признаки помогли «оживить» традиции царского периода как «корыстного дарения» гражданами чиновникам, так и бюрократического обычая «откармливания» своих подданных, пусть и в измененном виде, адаптированном для советских условий¹⁰. Данное исследование наглядно показывает (возьмем один пример), что массовые аресты, характерные для сталинизма, давали широкие возможности гражданам и судебным чиновникам вступать в сделки с участием «подношений благодарности» за отмену приговора.

Для противодействия неослабевающей коррупции «кампании», управляемые центром, мобилизовали различные органы, чтобы бороться со взяточничеством и преступлениями чиновников. Сталинская идеология придавала особенную окраску антикоррупционным кампаниям. Вместо того, чтобы изучать структурные причины взяточничества, идеология признавала, что коррупция была всецело «чужда» социалистическому обществу и была отвратительным пережитком капиталистического менталитета. По этим причинам самым неудобным с точки зрения властей был вопрос: почему такое возмутительное преступное поведение все еще существует в только что построенном социализме? В официальной риторике послевоенных лет преступления чиновника характеризовались как что-то крайне редко встречающееся, находящееся на грани изживания, и затрагивающее лишь небольшое число своекорыстных и «отсталых» личностей. Говорилось также, что коррупция (как и другие преступления) должна полностью исчезнуть, так как уровень жизни повышается, быстро растет «сознательность» и культурный уровень населения. Как тогда могут советские чиновники — образец для остального общества — и далее становиться коррумпированными, когда со времен победы Октябрьской революции сменилось не одно поколение?

Более того, партийные «сторожевые псы», обеспокоенные ослаблением дисциплины и идеологической чистоты среди членов партии, были больше озабочены преступлениями в среде официальных лиц режима. Допущение, что взяточничество исчезнет наряду с последними остатками капитализма, мешало попыткам контролировать его¹¹.

Дискуссия о народном понимании взяточничества составляет другую значительную тему этого проекта. Данное исследование ставит в центр внимания проявления взяточничества

в повседневной жизни и рассматривает это явление как метод ведения переговоров между простыми людьми и чиновниками, пусть иногда и с элементами принуждения.

Как восприятие взяточничества влияло на выбор народа? Архивные и опубликованные источники отражают различные, а порой противоречивые пути, которыми отдельные лица приходили к пониманию преступных деяний госслужащих и попыток государства бороться с ними. Распространенная реакция на повсеместную коррупцию была так же разнообразна, как и советское общество — от патриотического возмущения, поскольку отдельные бюрократы предали родину, до паники из-за разваливающейся связи между социалистическим государством и рабочими и растущего цинизма по поводу возникновения нового класса чиновников-преступников, которые, казалось, были выше закона. Этот аспект исследования рассматривает нечеткую грань между «приемлемым» и «неприемлемым» поведением. Например, взяточничество часто переходило в блат, разговорный термин, означающий «взаимные услуги на основе дружбы или знакомства». Основываясь на работе социолога А. Леденёвой, которая исследовала теневую экономическую деятельность в России в 1980-х—1990-х гг., мы попытаемся определить, в чем в данный период простые люди видели отличие «подарков» или «услуг» от взяточничества¹². Исследование касается и того, что в классическом исследовании Дж. Скотта 1972 г. о политической коррупции называется негласными «правилами игры», в том числе ритуалов и этики, формировавших практику взяточничества¹³.

Начиная любое исследование коррупции, историк сталкивается с большой проблемой поиска источников. До распада СССР у историков не было доступа к архивным документам, которые позволили бы исследовать коррупцию «изнутри». Получение взяток практически во всех обществах считалось в некотором отношении позорным, и Советский Союз не был исключением. Отдельные лица редко признавались в участии в подкупе, а особенно — в получении взяток. До 1991 г. источники для изучения коррупции в СССР (как и в других закрытых обществах) были в значительной степени ограничены отрывочными сообщениями в газетах и немногочисленными мемуарами эмигрантов. Было запрещено обсуждать саму тему коррупции, ее причины или степень распространенности.

С крахом коммунизма и открытием большого числа архивных собраний анализ ставших недавно доступными материалов значительно расширяет наше понимание советской коррупции и антикоррупционных кампаний. Таким образом, используя богатейшие, недавно рассекреченные архивы советской партии и судебных учреждений, настоящее исследование предлагает редкую возможность изучения взяточничества с помощью материалов из архивов тоталитарного режима, потерпевшего крах, отчасти вследствие вездесущей коррупции. Некоторые избранные материалы находятся в архивах Генеральной прокуратуры СССР, хранящихся в Государственном Архиве Российской Федерации (далее — ГАРФ) в Москве. Прокуратура играла главную роль в расследовании и наказании чиновников за «должностные злоупотребления». Архивы Министерства юстиции СССР и Верховного Суда СССР (хранятся также в ГАРФ) содер-

жат уникальные документы, включая письменные показания, доносы и стенограммы уголовных процессов. В этой связи важно отметить, что лица, замешанные в схемах подкупа, сталкиваясь с доказательствами их вины, полученными в ходе расследований, давали показания о своих действиях, что было зафиксировано в документах: они дают представление о ключевых особенностях взяточничества в этот период, в том числе в социальном контексте коррупционных поступков, отношении тех, кто давал и брал взятки, и обоснование действий людей, вовлеченных в этот процесс.

Захватив власть, те большевики, которые мечтали об уничтожении коррупции — «хронического заболевания» государственной службы в царской России — столкнулись с большими трудностями. Вековые традиции подношений местным чиновникам от городского и сельского населения соединялись со старинным укладом, благодаря которому бюрократы могли «кормиться» за счет населения. Эти взаимосвязанные и поддерживающие друг друга практики взаимодействия, которые должны были гарантировать подданным империи благосклонность местных чиновников, представляли трудную задачу для революционеров, стремящихся навсегда избавиться от подобных злоупотреблений. В берущем взятки чиновнике большевики видели образ ненавистной императорской бюрократии, полиции и судов, для них это был символ абсолютной коррупции всего царского правительства. В глазах большевиков и большинства представителей русской интеллигенции взяточничество представляло собой расточительное использование денег богатыми для покупки услуг чиновников и поддержания их власти для дальнейшей эксплуатации рабочего класса. Таким образом, взяточничество служило примером того, как богатые могли контролировать все государство ради собственной выгоды и за счет бедных.

Причины взяточничества в императорской России были многочисленными и разнообразными. Жалованье многих гражданских служащих низшего и среднего уровня оставалось мизерным. Низкий доход побуждал бюрократов ожидать дополнительного тайного «вознаграждения» от населения. Свою роль играл и низкий уровень образования, и несоответствующая профессиональная подготовка. Чиновники относились к своей работе как к возможности получения дополнительного дохода. Благодатной почвой распространения коррупции был также произвол и проволочки со стороны судебной системы. Кроме того, большая часть «верхушки» предпочитала игнорировать законы, если они посягали на ее статус, привилегии или источники дохода.

В первые послереволюционные годы можно было увидеть настоящие попытки полного очищения общества от взяточничества. В представлении большевиков это явление продолжало существовать при царском режиме не только потому, что его терпело правительство, но и потому, что оно в действительности *было* органичной составляющей свергнутого режима. При капитализме взяточничество было не просто *естественным* — фактически, оно было абсолютно необходимым. Взяточничество рассматривалось не только как преступление, но и как гниющее нравственное «ядро» в центре увядающей капиталистической системы. Резкое выступление

нового режима против взяточничества отражало стремление сформировать образ чиновника нового типа, редко встречающегося в императорской России — порядочного, честного и бескорыстного бюрократа, который служил бы простым людям, а не алчной буржуазии.

Как пишет Л. В. Борисова, сразу после большевистской революции Ленин назвал взяточничество одним из трех величайших «врагов революции»¹⁴. Показательные процессы над берущими взятки руководителями и посредниками в промышленности должны были продемонстрировать, что капиталисты и «нэпманы» старались «саботировать» социалистическую экономику. В 1920-х гг. взяточничество все еще считалось классовым явлением, к которому прибегали тайные противники советской власти, старавшиеся вполне намеренно свергнуть новый социалистический порядок, поэтому подпольные капиталисты были полностью ответственны за само явление взяточничества. В духе времени политическая полиция рассматривала взяточничество, хищение и прочие преступления «белых воротничков» как варианты «экономической контрреволюции». В 1930-х гг., наоборот, правоохранные органы связывали практически все формы злодеяний чиновников с поступками предполагаемого «вредительства», троцкистским заговором и шпионажем фашистов или других иностранных разведок. На фоне репрессий 1930-х гг. взяточничество как преступление было, по существу, забыто сталинской полицией и прокуратурой. Дела о взяточничестве были прикрыты обвинениями в «антигосударственной» деятельности. Официально взяточничество было практически истреблено к 1941 г.

Классовые политические допущения режима о том, что капитализм — корень всего зла, а в данном случае — коррупции, — отвлекали внимание от ее реальных причин. Усилия по борьбе с коррупцией были напрасны отчасти потому, что правоохранные органы в этот период понимали коррупцию как следствие капиталистического менталитета и фашистских «врагов», нежели как проблему власти, низкого жалования, дефицита, бюрократической традиции, человеческой жадности и многочисленных возможностей.

Критическим, но не распознанным переломом «загнивания» той коррупции, которая стала отличительным признаком более поздней советской эпохи, была Великая Отечественная война и ее последствия. Небывалая дестабилизация, вызванная войной и первыми послевоенными годами, предоставляла благодатную почву для взяточничества. Во время войны различные комбинации мошенничества чиновников укрепились еще прочнее, особенно после 1943 г. Многие явления, которые создали основу для растущей коррупции, уходили своими корнями или приняли более определенную форму во время войны. Перемещение населения, бедность, острый недостаток жилья, еды и транспорта, дестабилизация судебной системы и расстройство системы снабжения создавали условия для извлечения чиновниками выгоды из своего положения¹⁵. Взяточничество способствовало гладкому развитию теневой экономики, равно как и официальной экономики в период массового разрушения и последующего восстановления.

Несмотря на то, что исследование, подобное настоящему, не может определить абсолютный уровень взяточничества в советском обществе (или, на самом деле, в любом), как отдель-

ные, так и архивные свидетельства указывают на широкую распространенность этого явления. Между 1945 и 1953 гг. наибольшее число осужденных за взяточничество по всему СССР за один год составило всего лишь около 5600 (в 1947 г.) — число, явно преуменьшенное по сравнению с действительно ситуацией. Неопубликованные источники правоохранительных органов, однако, соглашаются с тем, что процент случаев взяточничества, каким-либо образом раскрытых и сообщенных властям, по которым *также* были возбуждены уголовные дела (а потому включенных в статистику преступлений), отражает лишь малую часть действительных случаев подкупа.

В сталинском обществе взяточничество принимало разные формы и выполняло несколько важных функций. Незаконные вознаграждения чиновникам давали людям возможность «маневрировать» в обществе, за которым надзирала огромная, репрессивная, самовольная государственная администрация. Взятки позволяли людям преодолевать канцелярскую волюнку. В некоторых случаях подобные незаконные расчеты с чиновниками осуществлялись ради получения того, что полагалось по закону, будь то жилье, работа, пособия или транспорт. В других — граждане давали взятки, чтобы получить товары или услуги *вне* закона, чтобы избежать налогов, других обязательств и незаконно получить необходимые документы. Взятки также позволяли сохранять рабочие места в период их недостатка. Руководители прибегали ко взяточничеству, чтобы выполнять производственные планы и поддерживать производство в крайне неэффективной промышленной (и сельскохозяйственной) экономике. Обладающие властью чиновники пользовались своим положением для получения дополнительного дохода, вымогая, или иначе — взимая «дань» с подчиненных или граждан.

В конечном счете, случай взяточничества в послевоенный сталинский период свидетельствует о широко распространенном убеждении, что официальные каналы и процедуры были неэффективны, ненадежны и несправедливы. Это убеждение заставляло многих искать неофициальные пути решения проблем¹⁶. Неформальные отношения не могли искоренить даже сталинские репрессии.

Как привилегированные, так и бедные советские люди одинаково принимали участие во взяточничестве и другой неофициальной деятельности. Подкуп, осуществляемый элитой, противоречил официальному разъяснению, что только самый отсталый «несознательный» слой советского общества может унизиться до получения незаконных доходов. На самом деле, политическая, социальная и культурная элита, казалось, была не менее заинтересована в участии в подкупе. К концу послевоенного периода сталинизма взяточничество как тип сделки, в которую были вовлечены отчаявшиеся, чтобы стабилизировать свою жизнь в период кризиса, стало превращаться в способ улучшения жизненных условий для населения, которое все еще сталкивалось с лишениями, но преодолевало уровень бедности. В растущем советском среднем классе и бюрократическом аппарате массовое желание получить ставшие недавно доступными потребительские товары, и впервые — отдельные (а не коммунальные) квартиры, — под-

держивало потребность любыми способами обойти волокиту и длинные списки ожидания. В то же время, раздражение против коррупции чиновников начинало переплетаться с возмущением относительно появления «нового класса» бюрократов, сильной и привилегированной номенклатуры, — убежденных, что учреждения принадлежали им, и стремившихся «получать с них ренту». Казалось, они считали себя выше закона и стояли над основной массой пассивной бюрократии¹⁷.

За исключением новаторской работы П. Соломона и Й. Горлицкого, историки не уделяли большого внимания сталинской послевоенной судебной системе¹⁸. И это несмотря на недавний огромный интерес к истории ГУЛАГа (О. Хлевнюк и др.) и репрессивным инструментам (М. Янсен и Н. Петров, Д. Ширер, П. Хагенлох и Дж. Гетти и др.)¹⁹. Немаловажная работа Е. Зубковой касается восприятия волны послевоенной преступности в 1940-х гг., но не углубляется в вопросы взяточничества и преступлений чиновников²⁰.

Настоящее исследование рассматривает важный, но в значительной степени проигнорированный аспект истории судов и прокуратуры в 1940-х и начале 1950-х гг. — дела о взяточничестве в этих учреждениях. Эта часть исследования представляет ситуационное исследование взяточничества в одной инстанции — среди сотрудников правоохранительных органов и суда.

Во время войны и в эпоху послевоенного сталинизма необходимой взяткой была та, которую брали сотрудники правоохранительных органов. Всякое изучение коррупции в любом обществе в качестве одного из центральных аспектов должно базироваться на анализе деятельности правоохранительных органов. Эти учреждения были главными «следователями» и «обвинителями» взяточничества, а также первыми в ряду получения взяток. Судьи, обвинители, полиция и адвокаты играют двойную роль в любом исследовании коррупции. Вместе они как разоблачали, так и брали взятки; как преследовали, так и совершали подкуп; как наступали, так и содействовали коррупции.

В исследовании выявлено несколько видов взяточничества в среде судебных чиновников в период сталинизма. Характерной чертой послевоенной судебной системы был массовый приток в суды дел определенного типа. В ответ на аресты появлялись апелляции, протесты и жалобы. Огромное число в большинстве своем неополитических дел создавало больше возможностей, чтобы судьи и обвинители брали взятки за смягчение судебных приговоров или пересмотра решений. В этом смысле растущие возможности противозаконного получения денежных сумм были результатом суровых сталинских репрессий за хищение «социалистической собственности», спекуляции и другие мелкие экономические и имущественные преступления, которые преследовались значительно менее сурово в других странах. Несмотря на кажущееся противоречие здравому смыслу, массовые репрессии, на самом деле, вели к благоприятным возможностям для любого недобросовестного чиновника, работающего в системе уголовного правосудия. Тем не менее, наше исследование свидетельствует, что судьи не стремились брать взятки за смягчение приговоров по *политическим* делам.

Во время войны и в послевоенные годы значительное число людей прибегало ко взяточничеству ради освобождения из тюрьмы родственников или друзей. Прокуроры, следователи и судьи брали взятки за присуждение меньшего срока или освобождение от заключения. «Драконовские» указы о хищении государственного и личного имущества (в том числе печально известный закон августа 1932 г. и июньский указ 1947 г.) привели к осуждению свыше 3,1 млн человек в 1944–1952 гг. Большинство из них получили окончательный приговор на длительный срок: семь лет и более. Поразительно суровые законы против спекуляции и трудовых нарушений также способствовали увеличению числа арестов. Поскольку народ пытался «купить» пощаду для обвиняемых, массовые обвинительные приговоры (часто необоснованные, как признавали и сами судебные органы) создавали подготовленную почву для поощрения незаконных вознаграждений, давая толчок к развитию подлинного «рынка» содействия внутри судебной системы. Некоторые прокуроры, судьи и адвокаты использовали этот спрос на смягчение приговора в своих интересах.

В каком-то смысле взятки позволяли сталинской судебной системе обходить несколько существенных препятствий. Суды были переполнены делами об имущественных и экономических преступлениях, в том числе мелких кражах и трудовых нарушениях. Более того, властные отношения означали, что получение наказания будет зависеть от связей, членства в партии и других «субъективных» факторов. «Правильно» организованная взятка могла дать обычному человеку на короткий срок возможность привилегированного рассмотрения, которого в этом непредсказуемом «юридическом лабиринте» обычно удаивались имеющие связи. Вознаграждения «под столом» сотрудникам правоохранительных органов были понятным, даже рациональным ответом как советских граждан перед лицом массовых произвольных арестов, так и затравленной прокуратуры и судебной власти, пытавшихся преследовать их в судебном порядке. Рассматриваемое в таком свете взяточничество может пониматься в судебной системе как нормальное отношение к командно-административной системе без какого-либо уважения к судам или правовым нормам. Однако в целом, взяточничество было мало функциональным в судах. Взятки обостряли проблемы, которые они и должны были решать. Нормальные юридические каналы все более дискредитировались возникавшим, как следствие, ощущением несправедливости из-за распространявшихся слухов о том, что в некотором регионе или зале суда необходимо позолотить чью-то ручку, провоцируя большее число людей на то, чтобы прибегнуть ко взяточничеству. Как это часто бывает, коррупция порождает коррупцию.

В СССР подкуп имел свою собственную субкультуру с общей жизненной позицией, ритуалами и территорией. Взяточничество было одним из многих неофициальных механизмов, говоря о которых, мы имеем в виду «коррупцию» в послевоенный период; его можно рассматривать как особую форму неформальных (иногда незаконных) связей, с помощью которых многие могли добиваться своего. Например, данное исследование показывает, что многие проводили

различие между актами *предложения* взятки и *получения* взятки. Некоторые полагали, что получение взятки чиновником — отвратительное преступление, заслуживающее наказания. Взяткодатели же, с другой стороны, были невинными жертвами, которых заставили поступиться небольшими суммами и пр., дабы заставить систему функционировать исправно или сделать жизнь сносной. Доказательства, полученные из судебных дел, говорят о том, что это были две стороны одной медали, уживавшиеся в сознании многих советских людей: чиновники, которые брали взятки, были коварными преступниками, которых советская власть должна безжалостно наказывать; в то же время, те, кто предлагал, были невинными, оправданно пытавшимися смягчить свое положение.

Многие из тех, кто пытался вступить в переговоры с чиновниками относительно взяток, старались убедиться, что чиновники выслушают их мольбы и отбросят официальность. Развитие этого особого «чутья» было необходимо; автор называет это «искусством взятки». Просто предложить взятку чиновнику было бы очень рискованно и, вероятно, менее успешно. Взяткодателям необходимо было «узнать» чиновников, попытаться догадаться, кто нарушил бы правила, «прощупать» их оборону, оценить их уязвимость и выяснить, как далеко можно зайти со своими мольбами²¹. В большинстве случаев взяточничества решающую роль играли посредники.

Анализ этой культуры взяточничества делает акцент не только на народном восприятии этого явления, но и на народном *участии* в нем. Мы не должны лишать население активной роли в процессе, сделав вывод, что у людей не было выбора, кроме как согласиться на вымогательство коррумпированных бюрократов. Такой анализ исключает деятельность самого населения. Рассматривая взяточничество с точки зрения участника, можно заметить, что простые люди не были исключительно жертвами чиновничьей коррупции (хотя, безусловно, именно они зачастую и были). Нередко они сами охотно в этом участвовали. Свидетельства, полученные из судебных архивов и архивов органов юстиции, демонстрируют, что многие советские граждане, столкнувшиеся с затруднительными обстоятельствами, совершенствовали «искусство взятки». По меньшей мере одна часть советского населения не была пассивной в своем отношении к государственным чиновникам, которых они считали безразличными к своим нуждам. Напротив, отдельные лица, имея дело с самовольными органами власти, часто брали инициативу на себя, пытаясь приспособиться к трудным обстоятельствам. Отработанное на практике взяточничество было «навыком», применявшимся советскими гражданами, которые изучали, договаривались, давали что-то взамен, даже «покупали» государственных чиновников. Они использовали этот «навык», пусть и с большим риском и значительными издержками, чтобы заставить государство работать на них.

В последние месяцы войны, в конце 1944 г., органы внутренних дел решили разработать новые методы борьбы со взяточничеством, наряду с обновленными мерами по борьбе с воровством и спекуляцией. Эти периодические и чрезвычайно непродуманные «кампании» продолжались восемь лет. Анализ вызывавших споры внутренних дискуссий, которые окружали «борьбу

со взяточничеством», последовавшую в 1944 г., дает представление о ряде аспектов позднесталинского государства и общества, включая причины упрямого существования коррупции, официальном отношении к преступлению взяточничества и предложению взятки, а также нерешительности партийных работников в принятии активных мер для контроля над взяточничеством²². Настоящее исследование также предлагает понимание того, как запускалась послевоенная кампания, и как ведомственные интересы ее формировали. Слабости кампании, как и их причины, подчеркивают существенные черты позднесталинского государства и его взаимодействия с обществом, изо всех сил старавшимся восстановиться после катастрофического нацистского вторжения и оккупации. Архивные документы теперь позволяют изучать причины кампании, то, каким образом она была выработана, обсуждалась, было встречена различными государственными структурами (особенно прокуратурой и судами), и ее непродуманную реализацию.

Несколько факторов стали источниками обеспокоенности властей относительно должностных преступлений собственных чиновников в данный период, в том числе идеология, которая придавала большое значение защите «социалистической собственности», послевоенный кризис производства и распределения и особая роль советских чиновников, «посредников» между властями и населением. Когда государственные чиновники становились продажными в нравственном отношении, а в конечном счете и социальном, это считалось разрушительным. Коррупция могла привести к нарушению законности государства и партии, массовому беззаконию, даже анархии. В то же время, интересам государства «вредило» ограбление государства. Терпимость ко взяточничеству среди чиновников могла создать существенное недовольство среди населения, и в то же время запятнать репутацию учреждения советской власти. Ключевым фактором с этот период было стремление правительства заново утвердить контроль над собственными государственными чиновниками. Борьба с подкупом задумывалась как важный шаг в этом процессе. Другая причина возросшего внимания к проблеме взяточничества происходила из постоянного стремления властей прекратить массовое воровство общественной собственности.

В конечном итоге, послевоенные кампании против взяточничества организовывались и проводились без убеждения. Пока предложенная кампания проходила судебные учреждения, и серьезность, и границы проблемы взяточничества преуменьшались. Учреждения стремились защитить себя, пытаясь переложить вину за преступление на другое учреждение. Открытое занижение масштаба взяточничества также спасало все партийное государство от неловкого положения, поскольку реальная коррупция чиновников не соответствовала позитивному народному представлению, которое Советский Союз пытался демонстрировать своим гражданам и всему миру.

Эти кампании представляют образец непродолжительной, напряженной, хотя, в конечном счете, неудавшейся попытки партийного государства избавиться от некоторого рода неприятности, беспокоящей советское общество. Кампании не смогли устранить коренные причины

этого явления: гиперцентрализованное планирование, низкую заработную плату, низкий авторитет и недостаточную профессиональную подготовку чиновников, острую нехватку товаров и жилья, отсутствие справедливости в судебной системе — все это давало чиновникам щедрые возможности процветания в тени сталинского общества. Даже после войны самым предпочтительным для Сталина методом борьбы с коррупцией оставался арест высокопоставленных лиц, «мощный удар» (по словам одного из арестованных судей) против видных личностей на «верхушке» иерархии.

Чтобы прекратить настоящую «эпидемию преступлений» против государственной собственности, а также взяточничество и спекулятивные операции с дефицитными товарами, в период между началом Великой Отечественной войны и смертью Сталина советские власти пользовались сетью доносчиков. Помимо обычной милицейской работы, основным инструментом раскрытия преступлений против государственной собственности и должностных преступлений были секретные осведомители²³. Милиция нанимала и использовала обычных советских людей в качестве доносчиков для выявления или предотвращения разнообразных неполитических преступлений. О сети доносчиков, в обязанности которых входило раскрытие этих правонарушений во время и после Великой Отечественной войны, известно немного. Ученые еще не отметили степень, в которой национализация экономики вместе с идеологией, побуждавшей население защищать государственную собственность как «народное богатство», требовала разветвленной сети доносчиков.

Помимо рассмотрения милицейской стратегии по использованию доносчиков, это исследование изучает недостатки и преимущества этой сети, по мнению милиции. Настоящая работа также рассматривает вопрос, почему эта сеть была менее эффективна, чем предполагалось организаторами, а также почему ее действия вызывали определенные неожиданные последствия. Даже когда милиция получала сведения, приводившие к сотням тысяч арестов, справедливо и то, что главы МВД замечали ряд очевидных недостатков системы. Существовала озабоченность, что многие доносчики, на самом деле, не предоставляли полезной информации. Например, распространенным недовольством было то, что осведомители разоблачали главным образом преступников, совершивших *мелкое* воровство или должностное преступление, в то время как большинство крупных преступников оставались неразоблаченными.

Данное исследование также изучает одну грань советского прецедента, который еще не затрагивался учеными: осведомители, которые, официально считаясь частью сети, не предоставляли информацию, как ожидалось. Акцент ученых на «доносы» — добровольное и полное энтузиазма предложение компрометирующей информации — может преуменьшить частоту, с которой люди, бывшие очевидцами «преступлений» (в данном случае, преступлений против государственной собственности), по ряду причин предпочитали хранить молчание, или же не оправдывали ожидания их кураторов.

¹ См., например: *Berliner J.* 1) *Factory and Manager in the USSR*. Cambridge, MA, 1957; 2) *Blat is Higher than Stalin!* // *Problems of Communism*. Vol. 3. 1954. N 1. January–February. P. 22–31; *Grossman G.* The «Second Economy» of the USSR // *Problems of Communism*. 1977. September–October. P. 25–40. — О 1930-х гг. см.: *Осокина Е.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения: 1928–1935 гг. М., 1993.

² Об этом см.: *Political Corruption: A Handbook* / A. Heidenheimer et al, eds. Edison, NJ, 2001.

³ *Rose-Ackerman S.* *Corruption and Government: Causes, Consequences, Reform*. Cambridge, 1999; *Political Corruption in Transition* / Kotkin S., Sajo A., eds. Budapest, 2002.

⁴ *Verdery C.* *What was Socialism and What Comes Next?* Princeton, 1996; *Kornai J.* *The Socialist System: The Political Economy of Communism*. Oxford, 1992; *Kornai J.* *The Economics of Shortage*. Amsterdam, 1980.

⁵ *Kelly C.* *Self-Interested Giving: Bribery and Etiquette in Late Imperial Russia* // *Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from the Middle Ages to the 1990s* / Ed. by E. Lebedeva et al. Houndmills, 2000. P. 74.

⁶ *Smart A.* *Predatory Rule and Illegal Economic Practices* // *States and Illegal Practices* / Ed. by J. Heyman. Oxford, 1999. P. 99–128. — См. также предисловие к данному изданию, написанное в А. Смартом и Дж. Хейманом.

⁷ *Philp M.* *Conceptualizing Political Corruption* // *Political Corruption: A Handbook* / Ed. by A. Heidenheimer et al. P. 41–57.

⁸ *Palmier L.* *Bureaucratic Corruption and its Remedies* // *Corruption: Causes, Consequences, and Control* / Ed. by M. Clarke. N. Y., 1983. P. 207.

⁹ *Berliner J. S.* *Factory and Manager in the USSR*. Cambridge: Harvard University Press, 1957.

¹⁰ О традициях кормления см.: *Кондратьева Т.* *Кормить и править: о власти России XVI–VV в. М.*, 2006.

¹¹ О борьбе с должностными преступлениями в Ленинграде и Ленинградской области в период позднего сталинизма см.: *Говоров И. В.* *Преступность и борьба с ней в послевоенном Ленинграде (1945–1955): опыт исторического анализа*. СПб., 2004.

¹² *Ledeneva A.* *Russia's Economy of Favours*. Cambridge, 1998; *Fitzpatrick S.* *Blat in Stalin's Time* // *Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from the Middle Ages to the 1990s* / Ed. by E. Lebedeva et al. Houndmills, 2000.

¹³ *Scott J.* *Comparative Political Corruption*. Englewood Cliffs, N. J., 1972.

¹⁴ *Борисова Л. В.* 1) Третий враг революции: борьба со взяточничеством и хозяйственными преступлениями в начале НЭПа // *The Soviet and Post-Soviet Review*. California, USA. Vol. 30. 2004. N. 3. P. 245–277; 2) НЭП в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // *Отечественная история*. 2006. № 1. Январь. С. 84–97.

¹⁵ *Barber J., Harrison M.* *The Soviet Home Front*. London, 1991; *Qualls K.* *From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol' after World War II*. Ithaca, 2009.

¹⁶ *Helmke G. Levitsky S.* *Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda* // *Perspectives on Politics*. Vol. 2. 2004. N 4. P. 725–740.

¹⁷ *Hooper C.* *A Darker «Big Deal»: Concealing Party Crimes in the Post-Second World War Era* // *Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention* / Ed. by J. Fürst. London, 2006. P. 142–63. — Литературы 1980-х гг. о коррупции в 1960-х гг. см.: *Feldbrugge F. J. M.* *Government and Shadow Economy in the Soviet Union* // *Soviet Studies*. Vol. 36. 1984. N 4. October; *Clark W.* *Crime and Punishment in Soviet Officialdom: Combating Corruption in the Political Elite, 1965–1990*. Armonk, N.Y., 1993; *Lampert N.* *Law and Order in the USSR: The Case of Economic and Official Crime* // *Soviet Studies*. Vol. 36. 1984. N. 3. July; *Schwartz C. A.* *Economic Crime in the USSR: A Comparison of Khrushchev and Brezhnev Eras* // *The International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 30. 1981. N 2. April. P. 281–96.

¹⁸ *Solomon P. H. Jr.*, *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, Eng., 1996; *Gorlizki Y.* *Rules, Incentives and Soviet Campaign Justice after World War II* // *Europe-Asia Studies*. Vol. 51. 1999. N 7. November. P. 1245–1265. — См. так-

же: *Hessler J.* A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953. Princeton, 2004.

¹⁹ *Khlevniuk O.* The History of the Gulag: From Collectivization to the Great Terror. New Haven, 2004; *Jansen M., Petrov N.* Stalin's Loyal Executioner. Stanford, 2002; *Shearer D.* Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. New Haven, 2009; *Hagenloh P.* Stalin's Police. Baltimore, 2009; *Getty J. A., Naumov O. V.* Yezhov: The Rise of Stalin's Iron Fist. New Haven, 2008.

²⁰ *Зубкова Е.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953. М., 2000.

²¹ *Heinzen J.* The Art of the Bribe: Corruption and Everyday Practice in the Late Stalinist USSR // *Slavic Review*. Vol. 66. 2007. N. 3. Fall. P. 389–412.

²² *Heinzen J.* A Campaign Spasm: Graft and the Limits of the «Campaign» against Bribery after the Great Patriotic War // *Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Development* / Ed. by J. Fürst. Routledge, 2006. P. 123–141. — О взяточничестве в Ростове-на-Дону см.: *Jones J.* Everyday Life and the «Reconstruction» of Soviet Russia During and After the Great Patriotic War, 1943–1948. Bloomington, 2008.

²³ *Heinzen J.* Informers and the State under Late Stalinism: Informant Networks and Crimes against «Socialist Property» 1940–1953 // *Kritika: Explorations in Russian History*. Vol. 8. 2007. N 4. Fall. P. 789–815.